

А. Ф. БЕГИАШВИЛИ

Проблемы начала познания у Б. Рассела и Э. Гуссерля

<Фрагменты>

Чувственное знание и априоризм. Идеальные объекты

При сравнении ранних периодов философской эволюции Рассела и Гуссерля бросается в глаза то обстоятельство, что оба они много внимания уделяют вопросу обоснования априоризма.

Как уже говорилось, и Рассел, и Гуссерль полагают, что для создания научной философии необходимо найти наиболее достоверные данные и, опираясь на них, строить надежную систему знания. Оба они в разные периоды своей деятельности обращались к Декарту. Декартовскую процедуру методического сомнения они считают наиболее подходящим способом установления надежных исходных начал для построения системы познания. Используя эту процедуру, Гуссерль и Рассел утверждают наибольшую достоверность непосредственных данных опыта. Здесь перед обоими встает проблема, с которой естественно сталкивается каждая теория, трактующая вопрос о началах познания: достаточны ли те данные, которые взяты в качестве начала познания, для того, чтобы с их помощью обосновать всю совокупность человеческого научного знания, или к ним надо присоединить еще какой-то другой элемент? Для Гуссерля и для Рассела это — проблема априоризма. Ни один ни другой не считали возможным допущение того, что наши необходимые знания имеют опытное происхождение. И поэтому оба затрачивают немало усилий, чтобы указать на тот другой компонент, который должен соединиться с нашими непосредственными данными, для того чтобы мы смогли построить систему познания мира.

Построение научной системы знания Рассел начинает с установления наиболее достоверных данных, которые должны лечь в основу содержания научного знания.

Существует ли такое знание, которое не вызывает никаких сомнений? — ставит он вопрос в одной из наиболее ранних работ «Проблемы философии». (В этой работе, по справедливому замечанию А. Куинтона, Рассел дал «первое развернутое изложение теории познания».) Он с большой похвалой отзывается об аналогичных поисках, проделанных Декартом, и полагает, что Декарт наметил правильное направление для поисков достоверных начал знания — он обратился к сфере субъективного «выяснением того, что субъективные положения самые несомненные, Декарт оказал большие услуги философии»*, — писал Рассел.

Достоверность знания наших чувств не может быть ни при каких условиях поставлена под сомнение. Даже тогда, когда мы бываем во власти галлюцинаций и видим, к примеру, коричневый предмет, то, вне всякого сомнения, мы имеем ощущение коричневого цвета, хотя и признается, что не существует физического предмета, соответствующего этим ощущениям.

«Таким образом, несомненность знания наших собственных ощущений не должна быть ограничена никакими исключениями. И здесь мы имеем крепкую основу, исходя из которой мы можем приступить к анализу нашего знания», — заявляет Рассел**.

В какую сторону собирается Рассел направить этот анализ нашего знания? Какое применение он собирается дать этим найденным непосредственным данным? Мы уже говорили, что Рассел с особым уважением относился к верованиям современного научного здравого смысла и что непосредственные достоверные данные ему нужны для того, чтобы доказать приемлемость и надежность современного научного миропонимания.

Из различных верований научного здравого смысла Рассел придает первостепенное значение вере в реальное существование физических объектов и с этой точки зрения оценивает найденные достоверные данные. Его интересует — смогут ли эти последние помочь в том, чтобы выйти за сферу субъективных положений? «Допуская достоверность содержания наших ощущений, имеем ли основания рассматривать их как проявления существования кое-чего еще, что мы называем физическими предметами? — ставит он вопрос***. Здравый смысл не колеблясь отвечает положительно на этот вопрос, пишет Рассел, и, казалось бы, можно найти аргумент в поддержку этой точки зрения. Этот аргумент заключается в следующем: различные люди, когда они смотрят на один и тот же стол, по-разному воспринимают его; различия могут зависеть от места наблюдения, от сте-

* Рассел Б. Проблемы философии. СПб., 1914. С. 14.

** Там же. С. 15.

*** Там же.

пени освещенности и т. д. Но при всех этих различиях они имеют в общем сходные восприятия, и это дает основание предположить, что имеется устойчивый общий предмет, который является причиной всех этих различных восприятий. Однако Рассел полагает, что этот аргумент логически непротиворечив. Он пользуется признанием существования других людей кроме нас и тем самым предполагает решенным вопрос, который только еще следует выяснить.

Вместе с тем Рассел отмечает, что мы никогда не сможем доказать существование других вещей кроме нас самих и нашего опыта. Предположение, что весь мир состоит лишь из меня, моих чувств и ощущений, не приводит ни к каким логическим противоречиям. И тем не менее он считает, что предпочтительнее придерживаться точки зрения здравого смысла. Она дает возможность более просто упорядочить и систематизировать наш опыт, чем противоположная точка зрения.

«Легко понять, почему предположение действительного существования физических предметов вносит значительное упрощение», — пишет Рассел*. Если кошка находилась в одной комнате, а потом появилась в другой, то естественно предположить, что она прошла все расстояние при этом переходе. Если же допустить, что она лишь совокупность моих ощущений, то мы будем вынуждены предположить, что она совсем не существовала в то время, пока я на нее не смотрел, и внезапно вновь начала существовать в новом месте. Кроме того, если мы принимаем, что она существует вне и независимо от моих ощущений, мы можем понять, по аналогии с собственным опытом, как она становится голодной; если же признать, что она не существовала, когда я на нее не смотрел, то становится крайне загадочным, как она могла проголодаться во время своего несуществования**.

Конечно, признает Рассел, вера в существование внешнего мира появляется не в результате этих аргументов. Мы находим ее в себе, как только начинаем мыслить, поэтому ее можно было бы назвать инстинктивной. «И поскольку это убеждение не приводит нас к трудностям, но, наоборот, скорее упрощает и систематизирует всю совокупность нашего опыта, постольку нет убедительных оснований, чтобы отказываться от него»***.

Как видим, установив непосредственные данные, Рассел сразу же принимает предпосылку о реальном существовании физических предметов, которые являются причинами наших ощущений. Поскольку он полагал, что достоверные данные должны быть ис-

* Там же. С. 17.

** Там же. С. 18.

*** Там же. С. 19.

пользованы в качестве тех основных элементов, из которых строится научная картина мира, он вынужден был принять одно из основных убеждений научного здравого смысла — убеждение в реальном существовании физических предметов* <...>

Расселу, так же как и Гуссерлю, пришлось обратиться к идеальным объектам, но в совершенно ином контексте. Мы уже говорили о том, что Рассел хотел использовать найденные достоверные начала для того, чтобы с их помощью построить систему научного знания. Когда он приступает к решению этой задачи, то обнаруживает, что не может построить систему знания, использовав в качестве начал лишь непосредственные данные чувственного опыта. Поэтому он расширяет сферу непосредственного знания, включая сюда априорные знания; вместе с тем он допускает существование идеальных объектов, которые соответствуют этим априорным знаниям.

Как уже говорилось, Рассел принял предпосылку о реальном существовании физических предметов. Однако здесь перед ним встала большая трудность. Вспомним, что достоверные данные получены были при помощи применения процедуры декартовского методического сомнения. Под сомнение было поставлено многое, что казалось очевидным, и в первую очередь соответствие наших ощущений физическим объектам. Приняв впоследствии предпосылку о реальном существовании физического мира, Рассел оказался перед проблемой: какую пользу могут принести эти достоверные данные для познания физического мира, т. е. как могут они служить исходными началами для построения научной картины мира, коль скоро он сам заранее оговаривается, что их соответствие физическим предметам должно быть поставлено под сомнение?

Чтобы наполнить образовавшуюся трещину и доказать пригодность найденных им достоверных данных для построения научной картины мира, Рассел вынужден принять еще одну предпосылку. Он признает, что содержание наших ощущений может не соответствовать тому, что имеется в мире физических предметов. Однако, можно полагать, утверждает он, что соотношение наших сенс-данных должно повторять соотношение тех физических объектов, которые вызывают наши ощущения. («Сенс-данные» Рассел называет объекты, которые непосредственно даются нам в наших ощущениях: цвета, звуки, запахи и т. д. Ощущение есть осознание этих объектов. При достаточном освещении мы имеем ощущение цвета, но цвет сам по себе есть сенс-данные, а не ощущение. Цвет есть то, что мы непосредственно знаем, и это знание есть ощущение.) Рассел ссылается на современную науку, согласно которой свет, звук и тепло так,

* Практически все пропуски в тексте — рассуждения автора о философии Э. Гуссерля. — *Прим. науч. ред.*

как они воспринимаются нашими органами чувств, нельзя найти в физическом мире. Там мы имеем лишь различные волнообразные движения. То же самое можно, по Расселу, сказать и относительно пространства. Каждый человек по-своему воспринимает пространственные отношения. А наука изучает не эти кажущиеся пространства, индивидуальные для каждого субъекта: она признает существование реального пространства, общего для всех, и именно его считает предметом своего изучения.

Что же мы можем узнать о физическом мире при помощи наших ощущений, если имеется налицо такое несоответствие? Следует полагать, отвечает Рассел, что взаимоотношение и порядок расположения физических предметов в физическом пространстве должны соответствовать порядку, который наблюдается в воспринимаемом нами индивидуальном пространстве. Одним словом, при помощи нашего опыта мы ничего не узнаем относительно природы этого физического пространства. Но зато мы можем знать порядок физических предметов в физическом пространстве, поскольку мы допускаем, что ему должен соответствовать порядок в нашем индивидуальном пространстве. «Это предположение не наталкивается ни на какие трудности, — пишет Рассел и поясняет, каким образом мы можем убедиться в его приемлемости: — Если мы видим, что один дом стоит ближе к нам, чем другой, то другие чувства подтвердят нам это — мы быстрее дойдем до него, чем до другого дома. Другие люди также согласятся с нами в том, что этот дом стоит ближе к нам». Всё это, по Расселу, дает основание полагать, что «действительно существует физическое пространство, в котором физические предметы находятся в пространственных отношениях, соответствующих отношениям, в которых стоят соответственные восприятия, в нашем индивидуальном пространстве. Это то физическое пространство, с которым имеет дело геометрия и которое предполагается в физике и астрономии»^{*}.

Аналогичные рассуждения можно провести, по Расселу, и при рассмотрении соответствия сенс-даты свойствам физических объектов. Если один предмет кажется красным, а другой зеленым, то можно предполагать, что между самими физическими предметами также существует соответствующее различие. Но мы не можем непосредственно узнать те свойства физических объектов, которые заставляют их выглядеть красными и зелеными. Таким образом, заключает Рассел, отношения физических предметов познаваемы, ибо они соответствуют отношениям, имеющим место между нашими «сенс-дата»; что же касается внутренней природы самих физи-

---

^{*} Там же. С. 24.

ческих предметов, она остается непознаваемой, поскольку речь идет о познании при помощи органов чувств.

Итак, очерчен круг непосредственных данных, и вместе с тем выяснено, в какой степени могут они пригодиться для изучения реальных предметов. Эти непосредственные знания Рассел называет знаниями, полученными при помощи непосредственного знакомства.

Как уже говорилось, Рассел искал непосредственные данные с тем, чтобы положить их в основу научной системы знания о мире. Как же мыслит он связь этих знаний-знакомств с остальной системой знания, каким образом можно обосновать эту систему на знаниях-знакомствах?

Наряду с знаниями-знакомствами Рассел вводит понятие знаний по описанию. Под описанием Рассел понимает предложение типа «это — такое-то и такое-то». «Мы будем говорить, что предмет “известен нам по описанию”, — пишет Рассел, — если мы знаем, что он “такой-то и такой-то”, т. е. если мы знаем, что существует один определенный предмет — и только один, который обладает известными свойствами, и при этом мы предполагаем, что относительно этого предмета мы не можем иметь знания-знакомства»*.

Анализируя различные примеры описаний, Рассел показывает, что если мы хотим иметь описания, которые пригодны для познавательных целей, то должны постараться привести эти описания в связь с теми данными, которые известны нам по непосредственному знакомству. И на основе этого анализа формирует основной принцип анализа предложений: «Основной принцип в анализе положений, содержащих описание, гласит: каждое предложение, которое мы можем понять, должно состоять лишь из составных частей, нам непосредственно знакомых»**. Рассел так обосновывает необходимость этого принципа: если мы хотим именно говорить, а не просто производить шум, то мы должны вкладывать в слова определенный смысл, и при этом нужно, чтобы этот смысл был нам знаком. В этом соображении Рассел видит обоснование того принципа, что все слова, употребляемые в предложениях-описаниях, должны выражать знания-знакомства. Когда мы высказываем предложение о Юлии Цезаре, то очевидно, что представляем себе не самого Юлия Цезаря, поскольку он нам не знаком. Мы используем одно из следующих описаний: «человек, убитый в мартовских мдах» или «человек, который перешел Рубикон» и т. д. Все эти описания состоят из общих понятий и частных фактов, непосредственно нам знакомых.

* Там же. С. 40.

** Там же. С. 44.

Рассел придает очень большое значение описаниям. Они помогают выйти за узкие пределы личного опыта и дают знание предметов, которые мы никогда непосредственно не воспринимали*.

Анализ вышеприведенных описаний наводит Рассела на следующие раздумья. Если под непосредственными знакомствами понимать только знание отдельных единичных предметов, получаемое при помощи наших восприятий, то очевидно, что с их помощью мы не сможем составить описания. Дело в том, что в предположениях, содержащих описания, кроме терминов, обозначающих отдельные предметы, встречаются еще общие понятия — универсалии, такие как — различие, братство и т. д. Да и вообще, утверждает Рассел, каждое предположение должно содержать одно слово, выражающее универсалию, так как все глаголы имеют общее значение**.

Кроме того, наши непосредственные знания отдельных вещей, по Расселу, необходимо дополнить еще одним компонентом для того, чтобы объяснить формирование научной картины мира. Речь идет о знании общих принципов, при помощи которых мы делаем выводы из того, что дано в непосредственном опыте. Это — и принцип индукции, это — и другие логические принципы, лежащие в основе доказательств. Эти принципы, утверждает Рассел, не могут быть доказаны опытом, поскольку всякое доказательство предполагает их применение.

Итак, для объяснения формирования научного знания Рассел считает необходимым допустить, кроме данных непосредственного опыта, существование еще другого рода знания, независимого от опыта. Те наши знания, которые логически не зависят от опыта, Рассел, следуя принятой терминологии, называет априорными. Логическая независимость априорных знаний от опыта заключается в том, что опыт недостаточен для их обоснования. Рассел подчеркивает, что если смотреть с точки зрения возникновения наших знаний, то априорные знания так же вызываются и причиняются опытом, как и опытные знания, поскольку с общими законами мы знакомимся на частных примерах, в которых проявляются эти общие законы. Но после того, как мы имеем эти априорные знания, мы можем понять, что опыт недостаточен для их обоснования. Действительно, мы на отдельном примере узнаем, что $2 + 2 = 4$, но после этого наша уверенность в истинности этого положения не растет с каждым новым случаем. «Лишь только мы узрели истинность этого положения, — пишет Рассел, — то наша уверенность так велика, что она не способна еще увеличиваться»***. Более того, отмечает

* Там же. С. 44.

** Там же. С. 39.

*** Там же. С. 58.

он, в этом положении мы чувствуем такую необходимость, которая отсутствует в других, гораздо лучше проверенных эмпирических положениях. Эти последние всегда остаются лишь фактом, и всегда можно представить себе, что противоположное утверждение — истинно. Когда Свифт просит нас представить себе племя Стрэлбегов, в котором никто не умирает, то мы без особого затруднения можем вообразить это племя. Но мы никак не можем представить себе мир, в котором два и два составляют пять. Мы сознаем, что в любом из возможных миров два и два должны составить четыре. То же самое можно сказать и о логических законах мышления и принципах, лежащих в основе доказательства.

Итак, оказалось, что те достоверные данные, которые Рассел признал началами познания, нуждаются в определенном дополнении, без этого они недостаточны для построения научной картины мира. При этом априорные знания Рассел наделяет такой же достоверностью, что и наши непосредственные знания-знакомства, например, знание содержания наших ощущений — «сенс-дата».

Как возможно это априорное знание и на чем основана его достоверность?

Рассел, так же как и Гуссерль, против того, чтобы считать априорные знания «относящимися скорее к тому способу, следуя которому мы должны мыслить вещи»*. Вспомним, что такую точку зрения на априорное знание Гуссерль причислял к разновидности антропологизма. Он полагал, что априорные положения вытекают из самой сущности, из самой идеи предметов. Рассел также хочет найти в объективном мире основу для достоверности априорных знаний. Априорные положения он считал важной составной частью научного знания, и уважение к научному мышлению не позволяло ему допустить, что априорные знания относятся не к самим предметам, а лишь к нашему способу мыслить о них. Поэтому он утверждает, что априорные положения, например два и два есть четыре, касаются не особенности нашего разума, а реальных вещей. Когда мы говорим, что два и два есть четыре, мы имеем в виду не то, что наш разум устроен таким образом. Наше положение мы считаем имеющим силу для всех возможных и действительных пар. «И таким образом, — заключает Рассел, — наше знание априори, если оно не ошибочно, не есть лишь знание организации нашего мышления, но применимо ко всему, что есть в мире, как к духовному, так и к недуховному»**. Но каким образом априорное познание имеет касательство ко всем реальным объектам?

* Там же. С. 65.

** Там же. С. 66.

Рассел считает, что априорные знания являются отражением чего-то такого, что имеет отношение ко всем предметам; мира. Это — универсалии. Критики платонизма возражали в основном против универсалий-качеств, пишет Рассел, и совершенно упустили из виду, что существуют еще универсалии-отношения. Если мы хотим избежать универсалии «белого цвета», нам предлагается выбрать какой-либо белый предмет, а потом уже называть белыми все те предметы, которые похожи на выбранный нами предмет. Но в этом случае приходится вводить новую универсалию — сходство, ибо есть много белых вещей, и сходство должно проявляться между многими парами сравниваемых предметов. А это, утверждает Рассел, отличительное свойство универсалий. Но поскольку все же приходится вводить универсалию сходства, то уже отпадают принципиальные возражения против универсалий, и кроме универсалий-отношений можно допустить и существование универсалий-качеств. Рассел считает, что таким образом доказана возможность существования мира универсалий. Мир универсалий Рассел характеризует как мир неизменного, точного, строгого бытия, увлекательный своим совершенством для математиков, логиков, творцов метафизических систем.

Универсалии так же, как и отдельные факты, могут познаваться или путем непосредственного знакомства или при помощи описаний.

Нам непосредственно знакомы такие универсалии, как: красный, черный цвет, кислотность, твердость и т. д. — качества, встречающиеся в содержании наших ощущений. Увидев белое пятно, мы знакомимся прежде всего именно с этим белым пятном, но встретив впоследствии ряд белых предметов, мы легко учимся отвлекать «белый цвет», общий для них всех. Такой же процесс знакомит нас и с другими универсалиями этого рода и универсалиями-отношениями, хотя в последнем случае процесс более сложен и требует большего напряжения абстрагирующей способности.

Установленные факты, по Расселу, помогают решить проблему априорного знания. Если вспомнить рассмотренный пример $2 + 2 = 4$, то увидим, что это положение устанавливает отношение между двумя универсалиями «два» и «четыре». «Это наводит нас на мысль, которую мы теперь собираемся установить, — пишет Рассел, — что всякое априорное познание рассматривает исключительно отношения между универсалиями»^{*}.

Мы уже имели случай упомянуть об уважении, которое Рассел питал к научному здравому смыслу. Как отмечают исследователи философии Рассела, он всегда старался избегать субъективист-

^{*} Там же. С. 77.

ских крайностей, противоречащих принципам научного познания, я считал необходимым принятие предпосылки о том, что физические предметы реально существуют и являются причинами наших ощущений. Естественно, он не мог признать, что априорные положения, которые, по его мнению, играют такую существенную роль в формировании научной картины мира, являются выражением лишь организации нашего мышления. Это признание означало бы отказ от соответствия наших знаний изучаемому нами миру. Этого как раз Рассел и остерегается больше всего. Поэтому он решил объяснить априорное познание как познание особых объектов — отношений, качеств и т. д., устанавливающих определенный порядок среди физических объектов. Вместе с тем, чтобы объяснить надежность априорного познания, Рассел обращает внимание на тот факт, что универсалии и отношения между ними непосредственно даются нам при помощи непосредственного знакомства, как и содержание наших ощущений — «сенс-дата» <...>

Философия и частные науки

После того как было установлено — что следует причислять к непосредственным данным и где их искать, перед Расселом, так же как и перед Гуссерлем, встал очередной вопрос: какое применение можно дать этим началам познания, какого рода систему знаний можно построить с помощью этих начал познания? Как уже было сказано, Рассел считает, что эти непосредственные данные, являющиеся наиболее достоверными знаниями, должны лечь в основу научной картины мира. Сейчас мы познакомимся с теми трудностями, которые встают перед Расселом при попытке выразить имеющиеся научные знания в терминах найденных им достоверных данных. Некоторые из этих трудностей специфичны для теории Рассела. С другими неизбежно сталкивается всякое современное исследование значения и роли эмпирических данных. Дело касается в первую очередь координации данных нашего чувственного опыта с объектами микромира, играющими такую большую роль в современном естествознании. Рассел замечает, что те данные, которые мы получаем путем непосредственного знакомства и которые должны лежать в основе нашего познания введенного мира, вовсе не похожи на картину мира, рисуемую частными науками и в первую очередь физикой. Что мы узнаем при помощи наблюдений и эксперимента? — ставит вопрос Рассел, и отвечает: поскольку дело касается физического мира, мы знаем лишь непосредственные данные чувств: цветовые пятна, звуки, запахи и др. Однако предполагаемое содержание физического мира весьма отлично от всего того, что нам непосредственно дается

в чувствах. Молекулы не имеют цвета, атомы не издают звуков, а частицы не пахнут, заявляет Рассел.

Для примирения мира чувств и мира физики Рассел прибегает к понятию верификации (проверки истинности) и утверждает, что положения физики должны быть верифицированы при помощи данных чувств. Рассел прекрасно сознает, что установление подобного рода связи между миром чувств и миром науки наталкивается на большие трудности. Очевидно, что если положения физики следует верифицировать, а их следует-таки верифицировать, поскольку физика является эмпирической наукой, основанной на наблюдении и эксперименте, то необходимо установить определенную корреляцию между сенс-дата и объектами физики.

Однако установление корреляции предполагает наличие обоих коррелятов, а в нашем случае мы имеем под рукой лишь один член корреляции — термин, выражающий данные чувств. Таким образом, оказывается, что корреляция с данными чувств, при помощи которой физика должна быть верифицирована, сама полностью неверифицируема <...>

Этот путь примирения мира чувств с миром науки привел Рассела и большой проблеме — проблеме онтологического значения анализа наших знаний. Мы можем при помощи анализа свести все наше знание к непосредственным данным, однако можно ли проделать соответствующую процедуру с самими физическими предметами? Можно ли выделить в предметах элементы, соответствующие тем непосредственным данным, к которым мы сводим все наши знания? Для обоснования процедуры анализа Рассел считает необходимым дать положительный ответ на этот вопрос. По его утверждению, если признать, что наши непосредственные данные никак не похожи на элементы, составляющие физический мир, то придется признать ряд априорных принципов, устанавливающих соотношение наших опытных данных с определенными физическими объектами. Поскольку этот путь был неприемлем для Рассела, он решил найти среди простейших частей материи элементы, похожие на наши непосредственно данные знания. С этой целью в работах, объединенных в книге «Мистицизм и логика», Рассел провел четкое различие между «сенс-дата» и ощущениями. Ощущение есть осознание сенс-дата. «Сенс-дата» же являются физическими объектами, простейшими составными частями материи. «Я уверен, — пишет он, — что то, что актуально дается в ощущениях, непосредственные объекты зрения, или осязания, или слуха, являются внедуховными, чисто физическими и принадлежат к простейшим составным частям (constituents) материи»*.

* *Russell B. Mysticism and Logic. New York, 1918. P. 128.*

Однако зачисление «сенс-дата» в простейшие составные части материи породило ряд трудностей, доставляющих Расселу много хлопот. Дело касается в первую очередь субъективности «сенс-дата». По общему признанию физиологов, то, что мы видим, зависит от наших глаз, пишет Рассел, а то, что мы слышим, — от нашего уха. По утверждению психологов, многое из того, что, нам кажется, мы видим, подкрепляется ассоциацией или неосознанным заключением. Отсюда делаются выводы, заключает Рассел, что «чистые данные опыта, если бы их даже удалось получить при помощи анализа опыта, все равно не принадлежали бы к внешнему миру, как в этом уверен здравый смысл, ибо их природа обусловлена нашими нервами и органами чувств, а эти последние меняются таким образом, что эти изменения нельзя никак связать с изменениями в материи, которая, по предположению, дается в восприятиях»*.

Рассел решительно опровергает этот аргумент. Он стремится показать, что «сенс-дата» являются физическими, а не духовными сущностями и что поэтому могут быть простейшими составными частями материи. Он детально анализирует понятия, используемые при описании деятельности органов чувств, и утверждает, что неточность в этих понятиях послужила основанием для мнения о субъективности «сенс-дата». Предлагаемый им анализ имеет целью доказать, что «существование “сенс-дата” логически независимо от существования духа и причинно зависимо скорее от тела воспринимающего, нежели от его духа»**.

Какую пользу для себя собирается извлечь Рассел из того факта, что «сенс-дата» зависит не от духа, а скорее от тела человека? Тело субъекта, утверждает Рассел, так же отлично от субъекта, как и столы, стулья и др. и фактически принадлежит к материальному миру. В силу того, что «сенс-дата» являются результатом взаимодействия физического объекта с телом, т. е. с таким же физическим объектом, они по своему характеру тоже должны быть физическими и могут быть причислены к составным частям материи. Когда я вижу вспышку света, поясняет свою мысль Рассел, мое видение света безусловно духовно, но то, что я вижу, это не духовно, хотя оно отличается от того, что там и в тот же момент видит кто-либо другой и, это важно, от того, что физик считает вспышкой света. Рассел считает, что если физик составит полное описание того, что происходит в физическом мире, когда имеет место вспышка света, он должен включить в качестве составной части то, что я вижу, и то, что видит любой другой, кто, предполагается, видит вспышку.

---

* Ibid. P. 127.

** Ibid. P. 143.

Почему все это должно быть включено в число составных частей физического события? Потому, что, по Расселу, то, что я вижу (не мое видение, а именно то, что я вижу), есть событие того же порядка, что и воздействие физических тел друг на друга (ведь то, что я вижу, согласно утверждению Рассела, зависит от моего тела, а не духа, и мое тело является таким же физическим телом, как и любое другое), и, поскольку полное описание какого-либо физического события включает в качестве составной части установление его воздействия на другие элементы, то очевидно, что то, что я вижу, тоже должно войти в число составных частей физического явления. Аргументируя свою мысль о том, что то, что я вижу при вспышке света, должно войти составной частью в «полное и истинное» описание вспышки, Рассел пишет: «Что я имею в виду, станет яснее, когда скажем, что если бы мой дух прекратил существовать и если бы мое тело все же могло остаться в том же положении, в котором оно есть, существовал бы в точности тот объект, который я вижу, когда я вижу вспышку, хотя, конечно, я не буду видеть его, ибо мое видение есть духовное»^{*}.

Чтобы подчеркнуть сходство «сенс-дата» с явлениями физического взаимодействия, Рассел в работе «Отношение “сенс-дата” к физике» напоминает о том, что «сенс-дата» причинно зависимы только от наших органов чувства, мозга и нервов. Тот вид, в котором предмет предстает перед нами, причинно зависит от нервов, мозга и т. д. так же, как он бывает причинно зависим от тумана, цветного стекла и т. д., когда они бывают между предметом и нами. «Обе зависимости вмещаются в одно утверждение, что тот вид, который кусок материи являет при рассмотрении с определенного места, есть не только функция этого куска материи, но также и вмешивающегося опосредствующего звена»^{**}. Поскольку «сенс-дата» являются недуховными, физическими объектами, то нет никаких оснований утверждать, что они не могут быть в числе простейших составных частей материи.

Конечно, разные люди могут иметь различные «сенс-дата». Один и тот же стол для одного человека может иметь вид прямоугольника, в то время как другому, смотрящему на стол с другой позиции, может казаться, что он имеет два острых и два тупых угла; один видит его коричневым, а другой, в сторону которого он отражает свет, будет считать, что стол белый и блестящий.

Поскольку «вещь» не может быть отождествлена ни с одним из этих явлений, то вполне естественно может встать вопрос: не является ли «вещь» чем-то отличным от всех них и лежащим в их ос-

^{*} Ibid. P. 131.

^{**} Ibid. P. 149.

нове? Невзирая на естественность подобного заключения, Рассел решительно отвергает его, опираясь на принцип «бритвы Оккама» — «Сущности не следует умножать без необходимости». Если класс явлений может выполнить те функции, для которых метафизика придумала «вещи», то экономия требует, чтобы «вещь» была отождествлена с этим классом «сенс-дата». «Вовсе не необходимо отрицать субстанцию или субстрат, лежащий в основе этих явлений, — уточняет свою мысль Рассел. — Просто очень удобно воздержаться от допущения этого не необходимого объекта»*.

Такова картина мира, предложенная Расселом. Он не настаивает на ее безусловной истинности, более того, он признает ее явную гипотетичность в ряде случаев. Но она может быть истинной, добавляет Рассел, чего не скажешь о других теориях, объясняющих мир. Мир, обрисованный нами, утверждает Рассел, не содержит логических невозможностей. Он пригоден также для интерпретации «сырых фактов чувства, фактов физики и фактов физиологии. Следовательно, он есть мир, который может быть актуальным»**.

Мы ознакомились с теми трудностями, с которыми встретился Рассел, и с теми онтологическими допущениями, которые ему пришлось принять для того, чтобы доказать возможность сведения всей системы научного знания к непосредственным данным. Как можно было убедиться, эти трудности в значительной мере зависят от того факта, что Рассел стремится к «чистому эмпиризму». Все другие виды познания, выходящие за пределы непосредственного опыта, признаются им априорными знаниями, и он решительно отмежевывается от них, стремясь выразить все наши научные знания в терминах непосредственного опыта.

Однако его попытка окончилась неудачей. Мы ниже подробно скажем о тех возражениях, которые могут быть выдвинуты и выдвигались против расселовской теории «сенс-дата», сейчас отметим следующее: Рассел в своих рассуждениях сталкивается с тем фактом, что нельзя выразить все научное знание в терминах непосредственного опыта без того, чтобы не принять определенные философские предпосылки о простейших составных частях материи, о структуре вещей и т. д. При этом ему приходится принимать эти предпосылки без соответствующего доказательства, поскольку их нельзя обосновать с помощью данных непосредственного опыта, а другого типа познания этих объектов Рассел не признает. Чтобы восполнить этот пробел, Рассел часто прибегает к выбору — он предлагает сделать выбор в пользу его теории, мотивируя это тем, что альтернативой его теории является менее приемлемая теория. Мир, нарисованный

* Ibid. P. 155.

** Russell B. Our Knowledge of the External World. London, 1961. P. 101.

им, он признает лишь возможным миром, и предлагает сделать выбор в пользу его, мотивируя это рядом соображений.

В дальнейшем мы увидим, что этот способ рассуждения очень характерен для Рассела. Свою теорию он часто предлагает в качестве более разумного выбора для того, чтобы избежать неприятных крайностей, к которым может вести противоположная точка зрения.

В этом вопросе также видно отличие расселовского пути решения проблемы от гуссерлевского подхода к ней. Гуссерль полагал, что мы обладаем кроме чувственного созерцания еще способностью непосредственно усматривать сущность. Мы увидим ниже, что именно эта способность дает нам, по словам Гуссерля, возможность исследовать структуры чистого сознания — особую автономную область философского рассмотрения. Положения, которые выдвигаются в результате этих исследований, претендуют на особую достоверность, поскольку они получены в результате непосредственного усмотрения сущности.

Рассел в ином положении. Он не ставит своей целью выделение автономной сферы философских исследований и соответственно не ставит вопроса об особом способе познания, необходимом для этих исследований.

Он стремится к тому, чтобы выразить имеющиеся знания в терминах непосредственных данных. Когда же в процессе этих исследований ему уже приходится выдвигать далеко идущие философские предпосылки, он предлагает принять их в качестве выбора, с тем чтобы избежать худшего варианта <...>

Таковы те цели, которые преследовал Рассел, вводя понятие «сенс-дата». Мы уже говорили, что Расселу пришлось представить материальные объекты как функцию непосредственных данных опыта. На этом пути его философия анализа легко могла превратиться в обыкновенную субъективно идеалистическую теорию.

Однако такому превращению мешала другая, противоположная тенденция, присущая философии Рассела. Принцип анализа, о котором говорилось в первой главе, мыслился как принцип анализа предложений науки, как метод уточнения научных понятий. Предполагалось, что философия анализа разделяет все предпосылки, принятые научным мышлением. Среди них, как уже говорилось, в первую очередь Рассел называл предпосылку о существовании физического мира, которая, по его утверждению, высказанному в «Проблемах философии», является наиболее простой гипотезой для систематизации данных опыта <...>

Стремясь примирить эти две противоположные тенденции, с одной стороны субъективистскую, а с другой — «наивно-реалистическую», Рассел вводит «сенс-дата», которые своим неопреде-

ленным, двойственным метафизическим статусом должны удовлетворить обе вышеупомянутые тенденции. Они позволяют выразить материальные объекты в терминах непосредственных данных. В то же время они являются физическими объектами. Поэтому, выразив физические объекты в терминах сенс-дата, Рассел надеялся избежать опасности субъективного идеализма, или, как он выражается, феноменализма. Подлинного примирения противоречащих тенденций у Рассела все же не получилось — очень уж чувствуется искусственность метафизического статуса сенс-дата <...>

Можно сказать и наоборот, поскольку мы строим конструкции из сенс-дата, постольку они нам даны; это значит, что мы их осознаем, т. е. они являются не «сенс-дата», а их осознанием, ощущениями. В этом случае они субъективны, и субъективны не в физиологическом, а в самом обыкновенном смысле слова.

Различие между «сенс-дата» и их осознанием, введенное Расселом для того, чтобы как-то избежать крайнего субъективизма, не оправдало себя; поскольку подчеркивается объективный характер «сенс-дата», постольку не видно, что они являются данными и могут пригодиться для конструирования чего-либо. Поскольку же они даны сознанию, в той же мере они и субъективны.

Очевидно, что Рассел в дальнейшем развитии не мог ограничиться полученными результатами анализа материи. Мотивы, побудившие Рассела отказаться от понятия «реальной вещи», о существовании которой мы заключаем, исходя из наших непосредственных данных, должны были побудить его отказаться и от понятия «субъекта», «сознания» и поставить на их место конструкцию, составленную из непосредственных данных. Этот отказ от понятия «сознания», «субъекта» и др. обусловлен в философии Рассела и другими соображениями. Чтобы избежать «феноменализма», Рассел подчеркивал разницу между «сенс-дата» и ощущениями, которые были осознанием «сенс-дата». Однако, как уже говорилось, это различие не спасало дела: если «сенс-дата» рассматривались как данные, при помощи которых должны быть построены конструкции, то они вновь обретали свойство субъективности.

Поэтому Расселу нужно было доказать, что субъект не является необходимым ингредиентом картины мира и что возможно построить конструкции из непосредственных данных и без обращения к нему. Эта задача стоит перед работой Рассела «Анализ духа» (1921). При анализе духа Рассел в первую очередь атакует понятие «сознания». Все мы встречаемся с явлениями, заявляет он, которые обычно именуем «духовными». Существует определенная точка зрения, Рассел признает, что он сам раньше придерживался ее, согласно которой сущностью всего духовного является «нечто совершенно

особое, именуемое “сознанием” и понимаемое или как отношение к объектам, или как всеобъемлющее свойство психических феноменов^{*}. Именно эту точку зрения Рассел и собирается опровергнуть путем своего анализа духа.

Борясь против допущения «сознания», Рассел ссылается на известную работу У. Джеймса — «Существует ли сознание?». То, что обычно подразумевают под душой, писал Джеймс, есть не что иное, как название для того факта, что содержание опыта известно. Я уверен, заключает Джеймс, что «сознание», испарившись до состояния полной прозрачности, находится на грани полного исчезновения. Оно есть имя несуществующего объекта, и ему нет места среди первых принципов.

С большой симпатией Рассел приводит слова Джеймса о том, что опыт не характеризуется дуализмом осознания и содержания, и в особенности известный пример, приводимый Джеймсом для иллюстрации соотношения различных сторон опыта. Рисование, если рассматривать его в отношении к художественной лавке, есть «продаваемая вещь», а в отношении картины — «выполнение духовной функции». Точно так же, утверждает Джеймс, одна и та же часть опыта, взятая в одном контексте, играет роль состояния духа, «сознания», в то время как в другом контексте тот же кусок опыта играет роль «знаемой вещи», роль содержания.

Вслед за Джеймсом, Рассел упоминает и бихевиоризм, который утверждает, что психология как наука должна заниматься лишь поведением, т. е. тем, что мы делаем, ибо только это поддается точному наблюдению. Мыслим ли мы при этом, по утверждению бихевиористов, нельзя знать, ведь для мысли не найдено никакой очевидности. Наша речь, наши высказывания также не могут пригодиться в качестве свидетельства того, что мы мыслим, они могут быть объяснены без допущения за ними какой-то мыслительной деятельности. Вместо раздела «мыслительные процессы» нужно ввести раздел «речевые навыки». «Это даже унижительно, — заключает Рассел, — обнаруживать, до чего ужасно адекватной оказывается новая гипотеза»^{**}.

Для пояснения того, что мы действительно можем обойтись без допущения «сознания» и других психических феноменов, обычно предполагающих «сознание», Рассел приводит пример анализа «знания».

Допустим, два ученика на вопрос: «сколько будет шестью девять», дают разные ответы: один говорит — пятьдесят четыре, другой — пятьдесят пять. Про одного мы говорим, что он «знает», а про другого — не знает. Но все, что мы наблюдаем, пишет Рассел, это

^{*} *Russell B. The Analysis of Mind. London, 1921. P. 9.*

^{**} *Ibid. P. 27.*

определенные речевые навыки; один ученик усвоил навык говорить «шесть раз девять есть пятьдесят четыре», другой — «шесть раз девять есть пять-десять пять». «Здесь нет большой нужды в допущении “мысли”, чем в случае, когда лошадь возвращается в знакомое стойло, просто здесь мы встречаемся с более многочисленными и сложными навыками»*. Эти и многие другие аргументы дают, по мнению Рассела, основание для того, чтобы отказаться от допущения «сознания».

Вместе с «сознанием» Рассел отказывается от допущения «субъекта». Если при рассмотрении психических явлений, например, зрительных ощущений, мы будем утверждать, что ощущение как психическое явление состоит в осознании, например, цвета, а сам цвет есть нечто отличное, физическое, то необходимо допустить существование субъекта. Если существует субъект, он может определенным образом соотноситься с цветовым пятном, именно — осознать его. Однако, поскольку Рассел отрицает необходимость допущения сознания, для него исчезает и надобность в субъекте. «Субъект оказывается логической фикцией, — пишет он, — вроде математических точек или мгновения. Его вводят не потому, что наблюдение наталкивается на него, а потому, что он создаёт лингвистические удобства и грамматика нуждается в нем <...> Мы должны <...> отбросить субъект, как один из актуальных ингредиентов мира»**.

Отказ от допущения «сознания», «субъекта» и т. д. не мог не иметь существенных последствий для дальнейшей эволюции философии Рассела. В первую очередь дело коснулось различия между «сенс-дата» и ощущениями, которые являются осознанием «сенс-дата». Поскольку Рассел пытается не прибегать к допущению «сознания», то очевидно, что он потерял возможность различать сенс-дата и ощущения. «Когда мы поступаем так (отказываемся от субъекта, как от ингредиента мира. — А. Б.), то исчезает возможность отличия “сенс-дата” от ощущений, — пишет Рассел. — Я по крайней мере не вижу пути для сохранения этого различия»***.

Отказ от различия между «сенс-дата» и ощущениями имел и другую сторону. Когда Рассел отличал видение от того, что видят, ощущение от того, что ощущается, он полагал, что ощущение как духовное явление состоит в осознании, например, цвета, а сам цвет остается физическим и может быть назван «сенс-дата», чтобы отличить от ощущений. Но поскольку Рассел отказывается различать ощущения от «сенс-дата», тем самым он устраняет всякую возможность для установления различия между физическим и психиче-

* Ibid. P. 28.

** Ibid. P. 141–142.

*** Ibid. P. 142.

ским. Рассел охотно признает, что он решительно против дуализма психического и физического.

Материал, из которого составлен мир, не есть ни материя и ни сознание, а нечто более простое, утверждает он. И материя, и дух есть сложное; тот материал, из которого они составлены, лежит в некотором смысле между ними или над ними, как их общий предшественник. Рассел считает, что справедливость этих положений в отношении материи им уже доказана в работах «Мистицизм и логика» и «Наше познание внешнего мира». Аналогичная операция в отношении сознания проделана в работе «Анализ духа».

Поскольку тот материал, из которого строится мир, не является ни духом и ни материей, а скорее чем-то нейтральным, свою новую метафизическую доктрину, развитую в «Анализе духа», Рассел называет «нейтральным монизмом».

Как можно заключить из слов Рассела, в теории нейтрального монизма можно выделить два основных положения: первое — материя и дух не являются чем-то однородным и устойчивым, они составлены из более простых элементов; второе — эти элементы не являются ни материей, ни духом, они нейтральны.

Выдвигая эти положения, Рассел опирается на принцип логических конструкций — гипотетические сущности следует заменять конструкцией из менее гипотетических сущностей.

Утверждая, что субъект есть логическая фикция, изобретенная для логического удобства, Рассел добавляет: «функции, которые они выполняют, могут быть всегда выполнены классами, или сериями, или другими логическими конструкциями, состоящими из менее сомнительных объектов» * <...>

Сейчас уже можно предварительно наметить некоторые основные моменты, по которым развертывалась противоположность двух типов подхода к проблеме начала познания.

Выделив наиболее надежные начала познания, Рассел считал естественным, что они должны войти в состав научного знания о мире, вернее — стать их основой. Такой ход мыслей Рассела не случаен. Выше мы уже говорили об уважении, с которым относился Рассел к современной науке, и о чрезвычайной роли, которую он ей отводит. Эта приверженность к научному мышлению проявилась и в том, что он не признавал никаких других знаний о мире кроме тех, которые доставляются науками. И совершенно естественно, что, когда он ищет начала познания, он ищет достоверные начала именно для научной картины мира. У него нет тенденции выделить, наподобие Гуссерля, автономную область для философских исследо-

---

* Ibid. P. 142.

ваний, и начала познания, которые он ищет, предназначены не для этого автономного философского познания.

Его философские исследования в основном посвящены именно доказательству того, что современная научная картина мира может быть построена с помощью тех непосредственных данных, которые он выделил в качестве начал познания.

Подобное применение непосредственных данных обусловило и то, что Рассел решил принять предпосылку о реальном существовании предметов и о физическом причинении наших ощущений. Коль скоро непосредственные данные предназначались для включения в систему научных знаний, то, естественно, они должны были соответствовать тем верованиям научного здравого смысла, в которых Рассел не позволял себе сомневаться. Среди них в первую очередь нужно назвать убеждение в реальном существовании объектов физического мира.

Эти допущения, в свою очередь, поставили Рассела перед новыми проблемами. Поскольку он полагал, что эти непосредственные данные следует использовать для верификации положений частных наук, то, естественно, он должен был как-то установить координацию между непосредственными данными и объектами физики. Рассел не пожелал принять априорную предпосылку, устанавливающую такого рода координацию. Поэтому он решил идти по другому пути, который оставался для него, решил показать, что мир состоит из частиц, похожих на наши непосредственные данные. Наконец, чтобы мир, составленный из этих частиц, не казался субъективным, он решил совсем избавиться от понятия сознания, от понятия субъекта <...>

Языковая форма непосредственного знания

Анализ духа, предпринятый Расселом, привел его к тому, что он отказался от понятия сознания. Полученные результаты не могли не сблизить его теорию с учением логических позитивистов, которые считали неверифицируемыми, и потому бессмысленными, все суждения о духовных явлениях — мыслях, идеях, чувствах, — стоящих за нашими словами и поступками. Они предпочитали говорить лишь о предметах и словах, обозначающих эти предметы. Это сближение привело к тому, что при построении теории познания и, в частности, при исследовании проблемы непосредственного знания Рассел много внимания уделяет той языковой форме, в которой даны эти непосредственные данные. Сам Рассел охотно признает свою близость с теорией логического позитивизма и указывает на отличительную черту своей теории познания, заключающуюся

в том, что в ней много внимания уделяется лингвистическим исследованиям.

Интерес Б. Рассела к лингвистическим исследованиям был определен и другими факторами. Как мы уже отмечали выше, при исследовании непосредственного знания непременно возникает необходимость исследования языковой формы, поскольку нахождение адекватной языковой формы для непосредственных данных сталкивается с определенными трудностями. И Рассел, который хотел использовать непосредственные данные в качестве предпосылок при построении системы научного знания, рано или поздно должен был заняться рассмотрением этого вопроса.

В первую очередь, надо было выяснить — какова та языковая форма, в которую мы облачаем наши непосредственно данные знания? Каковы те связи, гносеологические и грамматические, которые устанавливаются между предложениями, выражающими непосредственные данные, и другими предложениями научных систем? Каким образом непосредственные данные вливаются в систему наших научных знаний?

Эти вопросы Рассел рассматривает в работе «Исследование значения и истины». В самом начале книги Рассел определяет задачи теории познания. Он начинает с того, что вводит понятие базисных предложений — предложений о фактическом положении дел, в которые мы верим независимо от каких-либо аргументов в их пользу.

Эти предложения должны быть связаны с какими-то неязыковыми событиями, составляющими то, что может быть названо «опытом». Природа этой связи, по Расселу, одна из важнейших задач теории познания.

В зависимости от задач, поставленных перед теорией познания, Рассел различает в ней два момента, две стороны: логическую и психологическую.

При логическом исследовании мы должны изучить характер базисных предложений, отношения следования, существующие между базисными предложениями и теми, в которые мы верим на основе базисных предложений, а также отношения, существующие между различными базисными предложениями, объединяющие их в систему: система как целая, увеличивает вероятность каждой из ее частей. При психологическом исследовании мы должны рассмотреть отношение базисных предложений к опыту, степень сомнения или достоверности, которые мы чувствуем в отношении к ним, и методы, которые помогут уменьшить сомнение и увеличить достоверность.

При решении психологической задачи, т. е. при установлении связи исходных положений нашего знания с опытом, во взглядах Рассела обнаруживаются значительные перемены по сравнению

с ранними работами. Изменения эти касаются в равной мере как понимания достоверности непосредственных знаний, так и понимания той роли, которую они играют при обосновании системы эмпирического знания.

Рассел учел те трудности, с которыми ему пришлось встретиться в своих ранних работах, когда он хотел построить систему эмпирического знания на основе одних непосредственных данных.

К расширению эмпирического базиса научного познания толкал его и опыт развития теории логического позитивизма. Начав с требования проверяемости наших знаний с помощью данных «опыта здесь и сейчас», логические позитивисты вскоре были вынуждены отказаться от своей программы и выдвинуть новые, более смягченные требования.

Все это побуждает Рассела несколько пересмотреть роль непосредственных данных. Он подчеркивает, что всю систему знания нельзя будет базировать на непосредственных данных. «Эмпирическое знание, кроме предложений восприятия, нуждается еще в других предпосылках», — пишет он*. Предпосылки, включающие как предложения восприятия, так и некоторые другие, Рассел называет «фактуальными предпосылками». «Фактуальной предпосылкой можно назвать любое предложение, полученное не путем умозаключения, которое утверждает, что что-то дано, и в которое мы верим после критического рассмотрения»**.

Из этих фактуальных предпосылок в первую очередь следует называть предложения восприятия. Рассуждая о познавательном значении восприятия, Рассел уже по-иному, чем раньше, оценивает скептицизм и метод сомнения. Нет никаких логических аргументов за или против скептицизма, пишет Рассел, и скептицизм может быть признан одной из возможных философий. Однако он очень убог и прост и поэтому мало интересен. «Я поэтому <...> хочу развить противоположную гипотезу, согласно которой следует принять верования, которые причиняются восприятием, если нет каких-либо оснований для того, чтобы отбросить их»***, — заключает Рассел.

Эту оценку познавательной роли восприятий Рассел сопровождает известными оговорками. Он знает, что в наше восприятие многое входит от прошлого опыта и что эта составная часть не может быть такой достоверной, как «чувственное ядро», имеющееся в восприятии. Поэтому, предупреждает он, в теории познания мы должны определить «предпосылки, основанные на восприятии» более узко, чем это делается в психологии. Мы вынуждены так поступить, если

* *Russell B. An Inquiry into Meaning and Truth. London, 1965. P. 144.*

** *Ibid.*

*** *Ibid.*

хотим, чтобы «предпосылки, основанные на восприятии» никогда не были объявлены ложными, т. е. если хотим, чтобы они имели такую форму, когда две такие предпосылки не могут противоречить друг другу.

Какова же должна быть эта форма, которая сможет обеспечить вышеотмеченные достоинства предпосылок? Эти предложения восприятия (Рассел напоминает, что именно они называются базисными предложениями) не могут иметь форму «я вижу собаку»; здесь высказано предложение о животном, которое существовало и вчера, и позавчера и т. д. Все это выходит за пределы нашего непосредственного восприятия. То, что дается по-настоящему в восприятии, может быть выражено словами «я вижу собакообразное цветковое пятно». Никакой прошлый или будущий опыт и ничье восприятие не может доказать ложность этого предложения. Таким образом, мы имеем предложение той формы, ложность которого никогда не может быть доказана*.

В связи с этой формой базисных предложений, предложений-восприятий, следует заметить следующее: Рассел признает, что каждое слово определенным образом проводит классификацию предметов, поэтому каждое слово более абстрактно, чем отдельные данные непосредственного восприятия. Но это не может служить помехой для выражения непосредственных данных при помощи слов. «Теоретически нет предела аккуратности возможной спецификации, — пишет Рассел, — и в данных нашего восприятия нет ничего такого, что нельзя было бы выразить при помощи слов»**.

Обратим внимание также на требование Рассела, чтобы базисные предложения были причинно обусловлены восприятиями и чтобы при этом данная связь по возможности была более незамедлительной и близкой. Эта близость обеспечивает, по Расселу, особую достоверность базисных предложений. Причина их произнесения служит в то же время очевидностью для доказательства их достоверности.

Следовательно, раз уж базисное предложение высказано, значит, существует какая-то очевидность, свидетельствующая о достоверности этого предложения <...>

Знакомство с фактуальными предпосылками убеждает нас в том, что Рассел, как уже говорилось выше, в значительной степени отклоняется от картезианской процедуры методического сомнения, которой он последовательно придерживался в ранний период своего развития. Это отклонение сказалось в первую очередь в расширении круга предложений, призванных служить предпосылками. Последовательно применяя метод сомнения, Рассел находил достовер-

* Ibid. P. 132.

** Ibid. P. 145.

ность лишь в факте наличия ощущений. На этом факте собирался он обосновать достоверность всего нашего научного знания. Существование физических предметов и причинение ими наших ощущений, хотя и не выдерживают сомнения, все же были допущены Расселом в качестве удобной предпосылки, которая оправдывалась тем, что позволяла систематизировать наш опыт.

Сейчас уже Рассел отказывается от требования строгой достоверности предпосылок познания. «Мы должны придать различный “вес” различным предложениям, в которые мы верим и которые служат предпосылками в теории познания, — пишет Рассел. — Наибольший вес мы придадим тем, в которых мы (больше уверены). Наименьший — тем, уверенность в которых меньше. В случае логического конфликта мы должны пожертвовать теми, в которые верим в меньшей степени»*.

В соответствии с этой программой, Рассел в число фактуальных предпосылок, кроме предложений восприятия, которые он всегда признавал наиболее достоверными началами, ввел также другие, гораздо менее достоверные предложения, полагая, что на основе лишь предложений восприятия нельзя построить систему эмпирического знания.

Отклонение от картезианской процедуры сказалось и в понимании достоверности предложений восприятия. Раньше Рассел признавал достоверным лишь факт наличия ощущений и полагал, что не все верования, связанные с восприятием, могут выстоять против методического сомнения. Сейчас Рассел весьма отрицательно отзывается о скептицизме и считает, что «следует принять верования, которые причиняются восприятием».

Еще более произвольное расширение пределов достоверности наблюдается при анализе отношения восприятия к базисным предложениям.

Достоверность базисных предложений Рассел объясняет тем, что они непосредственно причиняются соответствующими восприятиями. Рассел подробно описывает те явления в нашем мозгу, нервной системе и т. д., которые составляют причинную цепь, связывающую восприятия с произнесением базисных предложений. Получается, что уверенность в достоверности произнесенного базисного предложения опирается на знание сложных процессов нашей нервной системы. Неудивительно, что именно эти уязвимые места теории Рассела стали мишенью для критики <...>

Выясняя зависимость знания по свидетельству от фактуальных предпосылок, Рассел подчеркивает, что всякое свидетельство в ко-

---

* Ibid. P. 126.

нечном счете причиняется чьим-либо восприятием. Так что признание знания по свидетельству не умаляет первостепенной роли восприятия. Однако только лишь предпосылки восприятия недостаточны для того, чтобы признать свидетельство законным видом знания. Каковы же те предпосылки, которые должны быть присоединены к восприятиям? Надо допустить существование никем не воспринятых событий — световых и звуковых волн, признает Рассел. В противном случае всякую причинную связь между людьми надо объяснить или наподобие лейбницеvских монад или надо на каждом шагу допускать существование телепатии. «Таким образом, если мы сочтем, что говорить о событиях, не воспринятых никем, — бессмысленно, то нам не избежать грубого конфликта с научным здравым смыслом, настолько грубого, как будто мы были бы солипсистами»*. Как оправдывается допущение этих не воспринимаемых объектов, на чем оно основано? Допустим, что я стою на значительном расстоянии от другого человека, который выстрелил из пистолета, приводит пример Рассел. Мы увидим дым, а через некоторое время услышим звук выстрела. Путем эксперимента мы можем удостовериться, что время между виденным событием и слышанным звуком пропорционально расстоянию от стреляющего до меня. Дают ли эти факты, установленные опытным путем, основание для того, чтобы предложение о световых и звуковых волнах считалось осмысленным? Рассел считает, что дают, поскольку мы, кроме данных опыта, пользуемся еще следующим принципом: «Если в моем опыте событие типа А через конечный промежуток времени всегда сопровождается событием типа В, то существуют опосредствующие события, которые связывают их»**.

Таким образом, заключает Рассел, в каждое экзистенциальное предложение, ни одного верификатора которого мы не знаем по опыту, мы верим не только на основе лишь чувственной очевидности. Основанием для него служит сочетание чувственной очевидности с некоторыми недемонстративными формами заключения.

Как можно было видеть, фактуальные предпосылки, предложенные Расселом, создавали опасность сведения всего нашего знания к моему личному опыту. Чтобы избежать этого следствия, Рассел вынужден был допустить опыт других людей и возможность знания по свидетельству. Это, в свою очередь, потребовало признания законными предложений об объектах, не воспринятых никем. Дойдя до этого требования, Рассел обнаружил, что при помощи своих фактуальных предпосылок он не сможет доказать правомерность названных предложений.

* Ibid. P. 282.

** Ibid. P. 380.

Вышеописанная трудность хорошо известна и другим философам неопозитивистского толка, в частности логическим позитивистам. Ряд предложений науки и обыденного здравого смысла оказался несовместимым с критерием смысла предложений, выдвинутых логическими позитивистами. Во имя сохранения принципов, на которых они основывали эмпирическое познание, логические позитивисты решили объявить бессмысленными и элиминировать из науки те предложения, которые не укладывались в рамки критерия смысла предложений, выдвинутого ими.

Рассел идет по противоположному пути. Он не позволяет себе ни на минуту усомниться в осмысленности и истинности предложений, которые приняты наукой. Стремясь сохранить эти предложения, Рассел решается на отказ от «чистого эмпиризма», как он понимает его, и предлагает расширить границы эмпирического познания. Он признает несостоятельность «чистого эмпиризма» и требует дополнить его принципами недемонстративного заключения вышеописанного типа.

«В чистый эмпиризм, в конце концов, никто не верит, — пишет он. — И если мы хотим удержать верования, которые всеми нами признаются здоровыми, мы должны допустить принципы заключения, которые не являются ни демонстративными, ни выводимыми из опыта»*.

Введение принципов недемонстративного заключения положило начало новому повороту в философском развитии Рассела. Напомним, что в ранний период своего философского развития Рассел находил достоверность лишь в факте наличия наших ощущений и этот факт признавал законным началом познания. Все другие положения, необходимые для построения системы эмпирического знания, Рассел вводил на правах недостоверных, но удобных предпосылок, помогающих систематизировать наш опыт. Впоследствии Рассел расширил основу эмпирического познания, включив в число фактуальных предпосылок кроме предложений восприятия еще и другие предложения. Допущение принципов недемонстративного и неопытного заключения открыло Расселу новые возможности. Он вновь возвращается к идее строгой достоверности начал познания и вновь ограничивает основу эмпирического познания непосредственными данными наших ощущений. Рассел считает, что, располагая этими непосредственными данными и постулатами научного вывода, он сможет полностью объяснить формирование системы эмпирического знания.

В своей позднейшей крупной работе «Человеческое познание» Рассел вновь исследует вопрос о том, что следует признать за непо-

---

* Ibid. P. 288.

средственные данные. Мы опять встречаемся с знакомыми уже возражениями Рассела против «скептицизма чувств». Многие явления бывают обманчивыми, пишет он, вещи, видимые в зеркале, могут быть приняты за «реальные», в сновидениях мы можем очень живо видеть предметы, которые после пробуждения признаем иллюзорными, и т. д. Однако во всех этих случаях ядро данных не иллюзорно, иллюзорна только выведенная из них вера.

Когда я вижу в зеркале какой-то предмет, я действительно имею именно такие зрительные ощущения. Ошибка заключается лишь в том, что я их отношу к «реальному предмету». Во сне я вижу именно то, что мне видится. Ошибка заключается в том, что во сне я принимаю вещи, находящиеся вне моего сознания, такими, какими они мне видятся. «На самом деле не бывает иллюзий чувств, — заключает Рассел, — бывают только ошибки в истолковании чувственных данных как знаков вещей, иных, чем они сами; говоря точнее, нет таких свидетельств, которые говорили бы о существовании иллюзий чувств»^{*}.

Для более четкого различения «ядра данных», которое не бывает иллюзорным, от веры, выведенной из них, которая может быть иллюзорной, Рассел подробно описывает, как возникает эта вера. Всякое знакомое нам по многократному опыту ощущение сопровождается связанными с ним верованиями и ожиданиями, считает Рассел. Когда мы видим и слышим: самолет, мы самопроизвольно и не сознавая этого, определенным образом истолковываем то, что видим и слышим, и наполняем воспринимаемое многими деталями, ставшими обычными по прошлому опыту. Этот процесс самопроизвольного истолкования ощущений Рассел называет «анимальным выводом». При помощи анимальных выводов мы восполняем чувственное ядро до так называемого «восприятия». Рассел приводит такой пример. Когда вы видите своего друга в окне поезда, приближающегося к станции, а впоследствии видите его приближающимся к вам, то все, что вам дается, это — ощущения, исходящие от вашего друга, когда он сидел в вагоне и двигался по платформе. Физическими причинами ваших ощущений являются определенные световые сигналы, идущие от вашего друга к вашим глазам. Все, что физика позволяет вам вывести из получения этих сигналов, сводится к тому, что где-то по линии вашего зрения испускается или рефлектируется свет соответствующих цветовых оттенков.

Невзирая на это обстоятельство, вы уверены, что ваш друг существовал в течение интервала между тем, как вы его заметили в окне вагона и увидели идущим по платформе, что он прошел путь из вагона на платформу. Вы имеете только зрительные ощущения, одна-

---

^{*} Рассел Б. Человеческое познание. Его сфера и границы. М., 1957. С. 200.

ко, тем не менее, уверены, что объект вашего восприятия есть нечто плотное, а не невесомый объект.

Из рассмотрения этого примера Рассел приходит к выводу, что расширение чувственного ядра при помощи аномальных выводов может привести к ложной вере всякий раз, когда окружающая среда отличается от того, чего наш прошлый опыт приучил нас ожидать.

Опираясь на проведенное исследование, Рассел точно формулирует, что следует признать за данные. «Из приведенных выше соображений следует, — пишет он, — что мы не можем принять в качестве данных все то, что некритически настроенный обыденный здравый смысл принял бы как данное в восприятии. Только ощущения и воспоминания являются истинными данными для нашего познания внешнего мира»*.

Приведя вышерассмотренное определение данных, Рассел оказался лицом к лицу с проблемой, которая составляет стержень всей его философской эволюции, — чего можно достичь, используя эти данные, какого рода систему знаний можно построить на основе этих данных?

Приступая к этому исследованию, Рассел выводит все следствия, вытекающие из предложенного им понимания природы данных. Из того, что было сказано, следует, признает Рассел, что все наши данные суть события, которые случаются с нами, а в действительности они являются тем, что обычно называется событиями в нашем сознании. Рассел вновь повторяет идеи, высказанные им уже на ранней стадии своего развития, он солидаризуется с Декартом в том, что существуют такие события, в которых я не могу заставить себя усомниться.

Не все они являются ощущениями, признает он, некоторые из них — абстрактные мысли, некоторые — воспоминания и т. д., но все они представляют собой то, что обычно описывается как психические события во мне. Все то, что выходит за сферу этих данных, может быть поставлено под сомнение и обретает достоверность лишь ссылкой на эти несомненные данные. «Фактические данные, находящиеся вне моего опыта, могут казаться сомнительными, если нет доказательств, что их существование вытекает из фактических данных в пределах моего опыта, вместе с законами, в достоверности которых я чувствую себя разумно убежденным»**.

Значит, мы должны располагать определенными принципами, или принципом, которые позволяют сделать соответствующий вывод. «Нужен какой-то способ придания вероятности (не достоверности) выводам, посредством которых из известных фактических дан-

* Там же. С. 203.

** Там же. С. 206.

ных мы выводим события, еще не имевшие места в нашем опыте, а может быть, и никогда не будет иметь места в опыте того человека, который делает эти выводы»*.

Необходимость принятия такого рода принципов Рассел мотивирует тем, что альтернативой этой гипотезе является полный скептицизм в отношении «всех выводов как науки, так и обыденного здравого смысла, включая и выводы, которые я назвал анимальными». Более того, если последовательно провести точку зрения, согласно которой все мои данные, поскольку они являются фактическими данными, являются лично моими, и что из них нельзя вывести ничего относительно других фактических данных, то в результате такой последовательности мы придем к солипсизму, и даже наиболее ригористической его форме, которую Рассел предлагает назвать «солипсизмом момента».

«Мы, таким образом, вынуждены прийти к двум крайним гипотезам, — пишет Рассел, — как единственно возможным с логической точки зрения: или, с одной стороны, мы знаем принципы недедуктивного вывода, которые оправдывают нашу веру не только в существование других людей, но и в существование всего мира, включая такие его части, которые никогда не воспринимаются, а только выводятся из их действий, или, с другой стороны, мы ограничены тем, что можно назвать “солипсизмом момента”, согласно которому все мое знание ограничивается тем, что в данный момент замечаю»**. Рассел отвергает вторую гипотезу, ибо, как уже говорилось, она противоречит науке и здравому смыслу.

Однако как установить те принципы, на которых сознательно или бессознательно основываются наши научные рассуждения и верования обыденного здравого смысла? Рассел выбирает такой путь: он дает обзор этих верований, «истолкованных в их наименее доступной сомнению форме», и путем их анализа надеется установить те принципы, которые необходимы для их получения из данных, которыми располагаем.

В первую очередь здесь должна быть упомянута вера в более или менее постоянные объекты. Эта вера лежит в основе употребления имен собственных, так же как и общих имен. Имена собственные воплощают в себе, по мнению Рассела, метафизику обыденного здравого смысла, которая предшествует языку. Когда ребенок спрашивает: «Где мяч?» и «Где мама?», то он предполагает, что мамы и мячи, когда их нет налицо, все же существуют и могут стать чувственно воспринимаемыми. Это предположение со временем, когда ребенок вырастет, благодаря мысленной рефлексии, превращается в веру в постоянные объекты обыденного здравого смысла.

* Там же. С. 207.

** Там же. С. 214.

Также на уровне донаучного мышления выработалась, а потом перешла в науку привычка вести себя в присутствии А таким образом, каким мы ведем себя в присутствии Б. Эта привычка возникает, если в предшествующем опыте А и Б бывают часто связаны друг с другом.

Когда мы начинаем сознавать нашу привычку, она становится причиной следующего верования: «А всегда (или обычно) сопровождается Б». Это верование является одной из основных предпосылок, с которых мы начинаем вести научные исследования. Эти, и ряд других, подобных же верований формируются на уровне донаучного мышления и составляют предпосылку развития науки.

Каковы же принципы, оправдывающие, согласно Расселу, эти и другие, подобные им верования? Рассел формулирует их в виде пяти основных постулатов.

1. Постулат квазипостоянства.
2. Постулат независимых причинных линий.
3. Постулат пространственно-временной непрерывности в причинных линиях.
4. Постулат общего причинного происхождения сходных структур, расположенных вокруг их центра, или, проще, структурный постулат.
5. Постулат аналогии.

В связи с обоснованием вышеупомянутых постулатов сразу же встал вопрос — в какой форме нам дается их знание? Рассел говорит очень мало и очень бегло об этом. Все, что он говорит, можно свести к следующим положениям: «Наше познание этих принципов, если оно может быть названо “познанием”, существует, во-первых, исключительно в форме склонности к выводам такого рода, который они оправдывают», — пишет Рассел и немного ниже добавляет: «Эти принципы “известны” в ином смысле, чем тот, в котором известны частные факты. Они известны в том смысле, что мы обобщаем в согласии с ними, когда используем опыт для убеждения себя в истинности универсального высказывания типа “собаки лают”»^{*}.

Как возникают в нас эти склонности обобщать определенным образом? Происхождение этих склонностей Рассел пытается объяснить, указав на их предпосылки еще в животном сознании. Например, познание связей между фактами, пишет он, имеет свой биологический источник в ожиданиях животного. Животное, которое переживает А, ожидает Б. Впоследствии уже на человеческой стадии развития сознания, когда люди делают первые шаги в науке, они обобщают какое-то число отдельных ожиданий в утверждение «А есть причина Б».

^{*} Там же. С. 540.

При рассмотрении ранней стадии развития Рассела мы видели, что Рассел оказался перед необходимостью установления корреляции между «сенс-дата», которые он признал конечным пунктом анализа, и объектами науки. Для установления корреляции он наметил два пути — или можно допустить существование априорных принципов, утверждающих, что наши «сенс-дата» являются знаками каких-то других объектов, в частности объектов физики; или же нужно постараться выразить объекты физики в терминах «сенс-дата».

Рассел отказался от идеи установления корреляции между «сенс-дата» и объектами физики при помощи априорных принципов, ибо при таком решении физика, как это признал сам Рассел, теряла характер эмпирической науки. Естественно, что для сохранения основ эмпиризма Рассел решил выразить физические объекты в терминах «сенс-дата». Как мы могли видеть, на этом пути он встретился с непреодолимыми трудностями. Его философии грозила опасность превращения в обычный субъективный идеализм; чтобы избежать этого, Расселу пришлось ввести искусственную и малоубедительную метафизику «сенс-дата», заменив «вещи» обыденного здравого смысла конструкцией «сенс-дата», которые всем казались лишними и искусственными. Неудивительно поэтому, что в «Человеческом познании» Рассел решил идти другим путем, чем в ранней работе «Мистицизм и логика». Он сделал известную уступку априоризму, которого он так боялся в «Мистицизме и логике», и попытался найти какие-то принципы, данные нам до опыта, помогающие нам составить научную картину мира. Вместе с тем он решил придать своим постулатам «привкус эмпиризма», как выражается он сам, указав, что эти постулаты даются нам еще на донаучной ступени в ожиданиях животного и аномальных выводах, содействуя биологическому выживанию животных. Фактически Рассел выработал, если можно так выразиться, своеобразный эмпирический априоризм, или, как выражается Куинтон, «смягченную кантианскую» точку зрения.

Как видим, попытки Рассела построить философию на основе лишь эмпирического познания, не прибегая к какой-либо другой способности познания, не увенчались успехом, и он был вынужден в какой-то форме вновь признать существование знания, отличного от того, которое мы получаем при помощи обобщений наших эмпирических данных. Этот иной тип знания Расселу понадобился для обоснования основных верований научного здравого смысла, верований, которые выходят за сферу собственно частных наук и составляют область философских рассуждений, таких как вера в существование стабильных предметов, существование не воспринимаемых объектов и т. д. Выше, при рассмотрении расселовской теории «сенс-дата», мы имели случай отметить, что в ранний период своей деятельности

Рассел стремился к «чистому эмпиризму», видел основную цель своих исследований в том, чтобы выразить имеющиеся научные знания при помощи данных непосредственного опыта. Эта программа оказалась невыполнимой без принятия далеко идущих философских предпосылок; допущение этих предпосылок Рассел считал делом выбора. Последующее развитие его философии показало, что он не смог избавиться ни от этих предпосылок, ни от особого типа познания, отличного от непосредственного чувственного опыта. Он решил отказаться от «чистого эмпиризма» и ввел важные философские предпосылки в качестве постулатов научного вывода, постулатов, напоминающих по своим функциям априорные познания.

Обоснование постулатов в философии Рассела вызывает возражения. Дело в том, что этот результат, суммирующий философское развитие Рассела, не может не поразить своей бедностью и тривиальностью. Фактически он сводится к тому, что в результате одинаковости и повторяемости, наблюдаемой в наших восприятиях, получаемых от внешнего мира, у нас формируются определенные убеждения, лежащие впоследствии в основу нашего представления о мире.

Это азбука теории познания. И именно потому, что указанные положения рассматриваются как азбука теории познания, считается, что они должны быть развиты далее и подробно обоснованы. В связи с этим необходимо сделать следующие два замечания. Во-первых, очевидно, что при контакте с внешним миром у нас вырабатываются определенные убеждения, составляющие основу нашей научной картины мира. Эти убеждения не остаются всегда одними и теми же. В ходе исторического развития познания они изменяются и уточняются и к уже существующим прибавляются новые. Вряд ли можно считать, что постулаты, перечисленные выше, были с самого же начала присущи научному, а тем более обыденному мышлению в том количестве и в той формулировке, в какой они даются у Рассела. Поэтому анализ этих основополагающих убеждений, которые Рассел именует постулатами, невольно будет недостаточным, если эти последние не рассматриваются в их историческом становлении и развитии. Во-вторых, Рассел не приводит почти никаких аргументов для обоснования привилегированного положения своих постулатов, и остается неясным, почему они должны лежать в основе нашего представления о мире и почему научная картина мира, основанная на этих постулатах, должна быть достоверной.

Поэтому его отказ от гипотезы солипсизма выглядит просто как нежелание связать себя с мало приемлемым учением, а анализ постулатов напоминает перечень инвентаря, необходимого для того, чтобы избежать крайностей солипсизма.